



Глава первая,

В КОТОРОЙ ПАСПОРТУ СТАНОВИТСЯ СЛУГОЙ ФИЛЕАСА ФОГГА

В 1872 году, в доме № 7 на Севил-роу, в Берлингтон Гарденс, в котором в 1814 году умер Шеридан, жил эсквайр Филеас Фогг, один из самых оригинальных и замечательных членов лондонского Реформ-клуба, хотя он и старался не делать ничего такого, что привлекало бы к нему внимание.

Таким образом, место одного из величайших ораторов, прославивших Англию, занял Филеас Фогг, загадочная личность, о котором никто ничего не знал, кроме того, что это в высшей степени порядочный человек и один из красивейших джентльменов высшего английского общества.

Говорили, что он похож на Байрона, однако только лицом, так как ноги у него были в полном порядке, но на Байрона с усами и бакенбардами, Байрона бесстрастного, который мог бы прожить, не старея, тысячу лет.



Англичанин в истинном смысле этого слова, Филеас Фогг, по-видимому, не был уроженцем Лондона. Его никогда не видели ни на бирже, ни в банке, ни в одной из контор Сити. Ни в лондонскую гавань, ни в доки никогда не входило судно, принадлежащее арматору Филеасу Фоггу. Джентльмен этот не фигурировал ни в одном правительственном учреждении. Его имя никогда не называли ни в коллегии адвокатов, ни в Темпле, ни в Линкольн-инне, ни в Грей-инне. Никогда он не выступал ни в Канцлерском суде, ни в Суде королевской скамьи, ни в Суде казначейства, ни в Духовном суде. Не был он ни промышленником, ни негодьянтом, ни купцом, ни земледельцем. Он не имел отношения ни к Королевскому Институту Великобритании, ни к Лондонскому Институту, ни к Институту Рассела, ни к Институту западной литературы, ни к Институту права, ни к Институту наук и искусств, находящемуся под непосредственным покровительством её королевского величества. Наконец, он не состоял ни в одном из многочисленных обществ, которыми наводнена столица Англии, начиная с Музыкального и кончая Энтомологическим, основанным преимущественно в целях борьбы с вредными насекомыми.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба — вот и всё.

Тому, кто выражал удивление, что такая загадочная личность принадлежит к числу членов столь почтенного общества, отвечали, что он был избран по рекомендации братьев Беринг, у которых ему был открыт кредит. Таким образом, репутация мистера Фогга была основана на том, что его чеки при предъявлении неизменно оплачивались из наличности его текущего счёта.

Был ли богат этот Филеас Фогг? Несомненно, но как он достиг своего богатства, этого не могли сказать даже наиболее осведомлённые люди, и сам Фогг был последним, к кому можно было бы обратиться, чтобы узнать это. Во всяком случае, он не был расточителен, но не был и скупцом. Ибо везде, где не хватало средств для какого-нибудь благородного или полезного дела, он молча и даже анонимно давал эти средства.

Вообще трудно представить человека менее общительного, чем был этот господин! Он старался говорить как можно меньше и благодаря своей молчаливости казался таинственным. Между тем жизнь его протекала на виду у всех, однако с такой математической точ-

ностью, что неудовлетворённое воображение искало за этим что-то другое.

Путешествовал ли он? Это было вероятно, потому что никто лучше его не был знаком с картой всего света. Он как будто специально изучил каждый, даже самый отдалённый уголок. Не раз и всегда в немногих кратких, но ясных словах вносил он поправки к высказываемым в клубе бесчисленным предположениям относительно заблудившихся или пропавших без вести путешественников. Он высказывал гипотезы, соответствовавшие действительности, как будто обладал даром предвидения, потому что последующие события всегда подтверждали их. Это был человек, который путешествовал всюду — по крайней мере мысленно.

Во всяком случае, было достоверно известно, что Филеас Фогг не покидал Лондон в течение долгих лет. Те, кто имел честь знать его несколько ближе, чем другие люди, утверждали, что, кроме прямой дороги, по которой он ходил из дома в клуб, его никогда нигде не встречали. Единственными его занятиями были чтение газет и игра в вист. Он часто выигрывал в этой молчаливой игре, так хорошо подходившей к его натуре, но выигрыш никогда не оставался у него в кошельке, так как играл довольно заметную роль в его благотворительном бюджете. Впрочем, следует заметить, что мистер Фогг играл, очевидно, для того, чтобы играть, а не для выигрыша. Игра была для него борьбой с препятствиями, но борьбой без движения, без перемещения, без усталости, и это вполне гармонировало с его характером.

Насколько известно, у Филеаса Фогга не было ни жены, ни детей. Это возможно и среди самых порядочных людей. Но не было у него также ни родных, ни друзей, а это уже явление гораздо более редкое. Филеас Фогг жил один в своём доме на Севил-роу, куда никто не имел доступа. О его личной жизни никогда не было никаких разговоров. Для услуг ему было достаточно одного слуги. Он завтракал и обедал в клубе в точно определённые часы, в одном и том же зале, за одним и тем же столом, не угощал никого из своих коллег по клубу и не приглашал никого из посторонних. Возвращался он домой только для того, чтобы лечь спать — ровно в полночь. Комфортабельными комнатами, которые Реформ-клуб всегда предлагает к услугам своих членов, он никогда не пользовался. Из двадцати четырёх



часов в сутки он десять проводил дома либо во сне, либо за своим туалетом. Прогуливался он неизменно ровным шагом либо в холле Реформ-клуба с мозаичным паркетом замысловатого рисунка, либо в круглой галерее, увенчанной куполом из голубого стекла, который поддерживали двадцать ионических колонн из красного порфира. На обед и на завтрак кухни, кладовые, буфеты, рыбные садки и молочные клуба предоставляли ему свои обильные запасы; клубные лакеи — величественные молчаливые фигуры в чёрном, в башмаках на мягкой войлочной подошве — подавали ему кушанья на особом фарфоре и на изумительных саксонских скатертях; его херес, портвейн и кларет, приправленные корицей и другими пряностями, наливались в хрустальные бокалы специальной формы; наконец, для поддержания напитков в охлаждённом состоянии использовался лёд, с огромными издержками доставляемый в клуб прямо с американских озёр.

Если жить в таких условиях значит быть эксцентричным, то следует сознаться, что эксцентричность имеет свои хорошие стороны.

Дом на Севил-роу не был роскошным, но отличался изысканным комфортом. Впрочем, благодаря постоянству привычек его хозяина обязанности прислуги сводились до минимума. Но зато Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги необычайной точности и аккуратности. Как раз в этот день, 2 октября, Филеас Фогг уволил Джеймса Форстера, который провинился в том, что принёс ему для бритья воду, нагретую до восьмидесяти четырёх градусов по Фаренгейту вместо восьмидесяти шести, и теперь ожидал его заместителя, который должен был явиться от одиннадцати часов до половины двенадцатого.

Филеас Фогг сидел прямо в своём кресле, сдвинув ноги вместе, как солдат на смотре, и положив руки на колени. Подняв голову, он следил за стрелкой часов, сложной машины, показывавшей часы, минуты, секунды, дни недели, числа, месяцы и год. Ровно в половине двенадцатого Филеас Фогг, согласно ежедневной привычке, покидал свой дом и отправлялся в Реформ-клуб.

Как раз в этот момент в дверь небольшой гостиной, где находился Филеас Фогг, постучали.

Вошёл уволенный Джеймс Форстер.

— Новый слуга, — доложил он.

Человек лет тридцати вошёл в комнату и поклонился.

— Вы француз и ваше имя Джон? — спросил его Филеас Фогг.

— Жан, с вашего позволения, — ответил новоприбывший, — Жан Паспарту, это прозвище мне дали давно, и оно оправдывается моей природной способностью выпутываться из затруднительных положений. Я считаю себя честным человеком, мосье, и, говоря по правде, перепробовал много профессий. Я был странствующим певцом, воздушным гимнастом в цирке, как Леотар, и плясал на канате, как Блонден; потом я стал преподавателем гимнастики, чтобы лучше использовать свои таланты, а в последнее время был сержантом пожарной команды в Париже. В моём послужном списке есть замечательные пожары. Но вот уже пять лет, как я покинул Францию и, желая пожить осёдлой жизнью, стал служить лакеем в Англии. Оставшись без места и узнав, что мосье Филеас Фогг самый пунктуальный и спокойный человек во всём Соединённом Королевстве, я и явился к вам, мосье, в надежде пожить спокойно и забыть наконец своё прозвище Паспарту...



— Паспарту, это мне нравится, — отвечал джентльмен. — Мне вас рекомендовали. О вашей службе у меня хорошие отзывы. Вы знаете мои условия?

— Да, мосье.

— Отлично. Который час на ваших часах?

— Двадцать две минуты двенадцатого, — ответил Паспарту, извлекая из недр своего кармана огромные серебряные часы.

— Ваши часы отстают, — заметил мистер Фогг.

— Вы меня простите, мосье, но это невозможно.

— Ваши часы отстают на четыре минуты. Но это всё равно, важно лишь установить разницу. Итак, начиная с этого момента, с одиннадцати часов двадцати девяти минут утра среды, 2 октября 1872 года, вы состоите у меня на службе.

С этими словами Филеас Фогг поднялся, взял левой рукой свою шляпу, автоматическим движением надел её на голову и, не прибавив более ни слова, исчез.

Паспарту услышал, как закрылась дверь на улицу: это вышел его новый хозяин; затем она хлопнула во второй раз: это ушёл его предшественник, Джеймс Форстер.

Паспарту остался один в доме на Севил-роу.

Глава вторая,

ГДЕ ПАСПАРТУ УБЕЖДАЕТСЯ, ЧТО НАШЁЛ НАКОНЕЦ СВОЙ ИДЕАЛ

«**Ч**естное слово, — сказал себе немного ошеломлённый Паспарту, — я знаю у мадам Тюссо таких же живых субъектов, как мой новый хозяин!»

Здесь надо пояснить, что «субъекты» мадам Тюссо — это восковые фигуры, которым действительно не хватает только дара речи и которые лондонцы посещают очень охотно. В течение нескольких минут, пока Паспарту разговаривал с Филеасом Фоггом, он успел быстро, но очень внимательно разглядеть своего будущего господина. Это был человек лет сорока, с благородной осанкой, высокого роста, не лишённый некоторой приятной полноты, с красивым лицом, скорее

бледным, чем румяным, с гладким лбом без признаков морщин, великолепными зубами и белокурыми волосами и бакенбардами. Кажалось, он в высшей мере обладал тем, что физиономисты называют «спокойствием в движении», — свойством, присущим всем тем, кто больше делает, чем говорит. Спокойный, флегматичный, с ясным, неподвижным взглядом, он представлял собой образец типичного хладнокровного англичанина, который довольно часто встречается в Соединённом Королевстве и который Анжелика Кауфман с таким совершенством изображала своей кистью в несколько академичных позах. При любых обстоятельствах этот джентльмен производил впечатление существа прекрасно уравновешенного во всех отношениях и настолько же совершенного, как хронометры Лерой или Эрншоу. В самом деле, Филеас Фогг был олицетворённая точность, что ясно можно было увидеть по «выражению его ног и рук», ибо у человека, точно так же, как и у животных, конечности являются лучшими выразителями его страстей.

Филеас Фогг принадлежал к числу тех математически точных людей, которые никогда не спешат, но всегда успевают и экономны в своих поступках и движениях. Он никогда не делал лишнего шага, всегда шёл кратчайшим путём. Он не смотрел по сторонам, не позволял себе ни одного лишнего жеста. Никто никогда не видел его взволнованным или подавленным. Никто на свете не торопился меньше его, но он всегда приходил вовремя. Понятно поэтому, что он вёл изолированную жизнь, вне всяких общественных отношений. Он знал, что в жизни при столкновении с людьми всегда испытываешь своего рода трение, а так как трение служит причиной замедления, то он избегал его.

Что касается Жана по прозвищу Паспарту, настоящего парижанина, то, прожив пять лет в Англии и служа в Лондоне лакеем, он тщетно искал себе хозяина, к которому мог бы привязаться.

Паспарту вовсе не принадлежал к числу увековеченных Мольером слуг с дерзким, самоуверенным взглядом, которые, подняв плечи и держа нос по ветру, являются просто наглыми плутами. Нет, Паспарту был добрый малый, кроткий и услужливый, с приятной физиономией, с немного пухлыми, всегда готовыми полакомиться или сказать ласковое слово губами, с одной из тех славных круглых голов,

которую с удовольствием видишь на плечах друга. У него были голубые глаза, хороший цвет лица, достаточно толстого для того, чтобы он сам мог видеть ямочки на своих щеках, широкая грудь и могучая мускулатура. Он был высокого роста и обладал геркулесовской силой, великолепно развитой ещё в молодости постоянными упражнениями. Его тёмные волосы были немного непокорны. В то время как античным скульпторам были известны восемнадцать причёсок Минервы, Паспарту для своей шевелюры знал только одну, которая требовала лишь двух-трёх взмахов гребня.

Простая осторожность не позволяет нам сказать, что экспансивный характер этого малого подходил к характеру Филеаса Фогга. Будет ли Паспарту тем безусловно надёжным слугой, в котором нуждался его господин? В будущем видно будет. После бродячей, как уже известно, молодости он жаждал покоя. Наслушавшись похвал методичности англичан и их вошедшему в поговорку хладнокровию, он отправился искать счастья в Англии. Но до этого времени судьба мало ему благоприятствовала. Он нигде не мог долго ужиться и сменил уже десять домов. Везде он сталкивался с чужаками, неуравновешенными в общении, искателями приключений или любителями путешествий, — всё это больше не подходило Паспарту. Последний хозяин, молодой лорд Лонгсферри, член парламента, проводил ночи в «устричниках» Гай-Маркета и очень часто попадал в свою квартиру на руках полисменов. Паспарту, желая прежде всего сохранить уважение к своему господину, рискнул сделать несколько почтительных замечаний, которые были плохо приняты, и он ушёл. Между тем Паспарту узнал, что эсквайр Филеас Фогг ищет слугу. Он собрал сведения об этом джентльмене. Человек, образ жизни которого был таким размеренным, который не гулял по ночам, не путешествовал, не уезжал из дома даже на сутки, — такой человек не мог не быть для него подходящим. Он явился и был принят при известных уже обстоятельствах.

Когда часы пробили половину двенадцатого, Паспарту находился в доме на Севил-роу совершенно один. Он тотчас же начал осмотр нового жилища и произвёл его с погреба до чердака. Ему понравился этот чистый, благоустроенный, строгий пуританский дом, прекрасно приспособленный для службы. Он произвёл на него впечатление красивой раковины, но раковины освещаемой и отапливаемой газом,

так как газ удовлетворял здесь все потребности в отоплении и освещении. Паспарту без труда нашёл на третьем этаже комнату, предназначенную для него. Она понравилась ему. Электрические звонки и переговорные трубки соединяли её с комнатами первого и второго этажей. На камине стояли электрические часы, соединённые с часами в комнате, где спал Филеас Фогг, и оба эти механизма одновременно отбивали одну и ту же секунду.

«Это мне подходит, это мне подходит», — повторял про себя Паспарту.

В своей комнате он заметил листок бумаги, приколотый к стене над часами. Это было расписание его ежедневных обязанностей с восьми часов утра, когда регулярно вставал Филеас Фогг, до половины двенадцатого, когда он покидал дом, чтобы идти завтракать в Реформ-клуб: чай с гренками — в восемь часов двадцать три минуты, вода для бритья — в девять часов тридцать семь минут, причёска — в девять часов сорок минут и так далее. Потом с половины двенадцатого утра до полуночи — время, когда пунктуальный джентльмен всегда ложился спать, — всё было отмечено, предусмотрено, упорядочено. Паспарту радовался, перечитывая это расписание и запоминая его отдельные пункты.

Что касается гардероба мистера Фогга, то он находился в прекрасном состоянии и был необычайно велик. Каждая пара брюк, сюртук или жилет имели свой порядковый номер, записанный в приходно-расходном реестре с указанием даты, когда сообразно с сезоном следовало носить эту одежду. Такой же образцовый порядок существовал и для обуви.

Одним словом, в этом доме на Севил-роу, который во времена славного, но легкомысленного Шеридана являлся, вероятно, храмом беспорядка, комфортабельная обстановка свидетельствовала о полном благосостоянии. Здесь не было ни библиотеки, ни книг, которые были бы для мистера Фогга бесполезны, так как Реформ-клуб предоставлял в его распоряжение две библиотеки: одну — изящной словесности, другую — по вопросам права и политики. В спальне стоял небольшой несгораемый шкаф, который прекрасно защищал хранившиеся там ценности как от пожара, так и от воров. Что касается оружия, то в доме его не было — ни охотничьего, ни военного.

Это указывало на вполне мирные наклонности его обитателя. Рассмотрев всё до мельчайших подробностей, Паспарту начал потирать руки и с прояснившейся физиономией весело повторял:

— Это мне подходит! Вот настоящее дело для меня! Мы с мистром Фоггом отлично сойдёмся! Это человек пунктуальный и домосед! Не человек, а машина! Отлично, я ничего не имею против того, чтобы служить машине!

Глава третья,

ГДЕ НАЧИНАЕТСЯ РАЗГОВОР, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ДОРОГО СТОИТЬ ФИЛЕАСУ ФОГГУ

Филеас Фогг покинул свой дом на Севил-роу в половине двенадцатого и, после того как поставил свою правую ногу впереди левой пятьсот семьдесят пять раз, а левую впереди правой пятьсот семьдесят шесть, достиг Реформ-клуба, величественного здания в Пэлл-Мэлле, сооружение которого стоило не меньше трёх миллионов фунтов.

Филеас Фогг сразу же направился в столовую; её девять окон выходили в прекрасный сад, листву которого уже позолотила осень. Там он занял за столом своё обычное место, где его уже дожидался прибор. Завтрак мистера Фогга состоял из закуски, отборной варёной рыбы с соусом, кровавого ростбифа с острой приправой, пирога, начинённого ревенем и крыжовником, и куска честерского сыра; всё это запивалось несколькими чашками великолепного чая, выписываемого для Реформ-клуба по специальному заказу.

В двенадцать часов сорок семь минут наш джентльмен встал и направился в большой салон, роскошно обставленный и украшенный картинами в дорогих рамах. Здесь слуга подал ему свежий номер «Таймс», который мистер Фогг разрезал с такой уверенностью, которая свидетельствовала о большом навыке в этой трудной операции. Чтением этой газеты он занимался до трёх часов сорока пяти минут, а чтением заменившего её «Стандарта» — до самого обеда. Обед являлся повторением завтрака с прибавкой «королевского британского соуса».

Без двадцати минут шесть джентльмен вернулся в салон и занялся чтением «Морнинг хроникл».

Спустя полчаса начали появляться члены Реформ-клуба и подходить к камину, в котором пылал огонь. Это были обычные партнёры мистера Филеаса Фогга, как и он, заядлые игроки в вист: инженер Эндрю Стюарт, банкиры Джон Салливан и Самуэль Фаллентин, пивовар Томас Фленаген и один из администраторов Английского банка, Готье Ральф, — все люди богатые и пользующиеся почётом даже в этом клубе, насчитывавшем среди своих членов немало самых видных представителей промышленности и финансов.

— Ну, Ральф, — заговорил Томас Фленаген, — как обстоят дела с этой кражей?

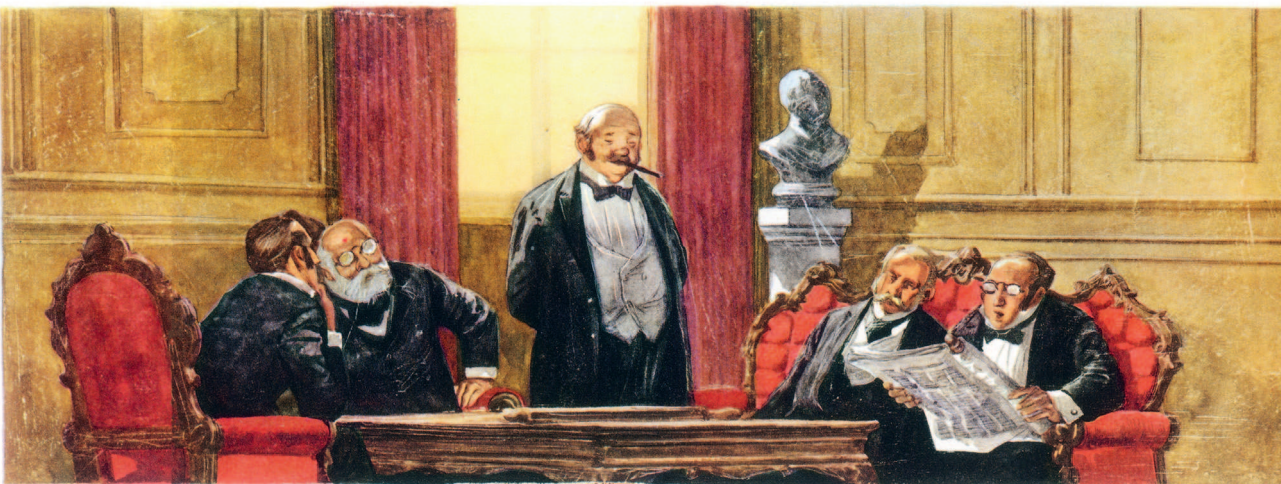
— Видимо, банку придётся потерять свои деньги, — ответил Эндрю Стюарт.

— Я, наоборот, надеюсь, — возразил Готье Ральф, — что виновник кражи попадёт в наши руки. Очень опытные полицейские агенты командированы в главные порты Европы и Америки, и этому господину трудно будет ускользнуть от них.

— А приметы вора известны? — спросил Эндрю Стюарт.

— Это вовсе не вор, — серьёзно ответил Готье Ральф.

— Как! Человек, похитивший пятьдесят тысяч фунтов стерлингов банковыми билетами, не вор?



— Нет, — подтвердил Готье Ральф.

— Что же он, промышленник? — задал вопрос Джон Салливан.

— «Морнинг хроникл» утверждает, что это джентльмен.

Слова эти произнёс не кто иной, как Филеас Фогг, голова которого поднялась над ворохом окружавших его газет. При этом мистер Фогг поклонился своим партнёрам, которые ответили ему тем же.

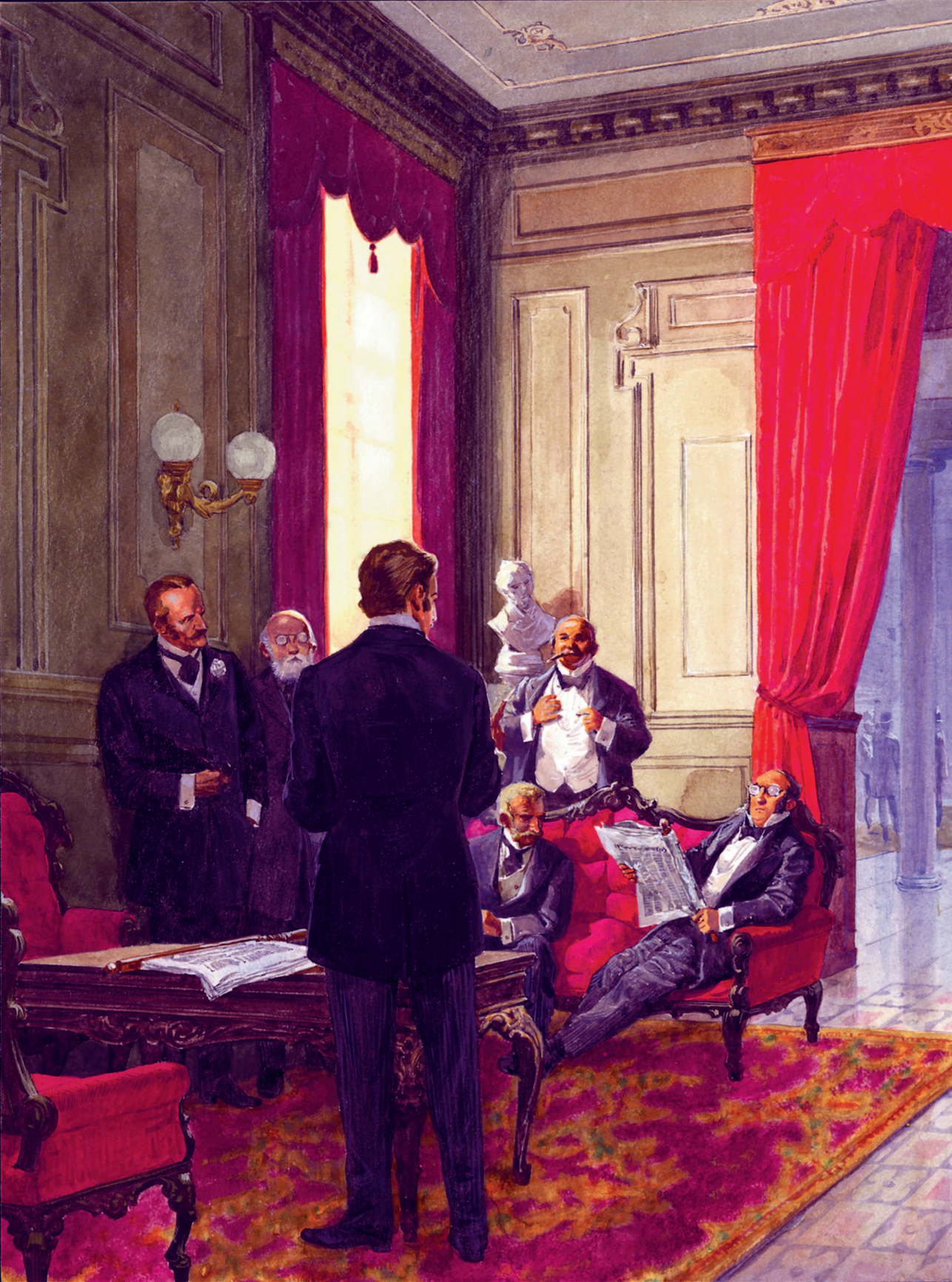
Происшествие, о котором шла речь и которое горячо обсуждалось всей прессой Соединённого Королевства, случилось за три дня до этого, а именно 29 сентября. Пачка банковых билетов на огромную сумму пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов была украдена со стола главного кассира Английского банка.

На вопросы лиц, удивлявшихся, что такая кража могла совершиться так просто, вице-директор Готье Ральф ограничивался ответом, что как раз в этот момент кассир был занят регистрацией получения трёх шиллингов шести пенсов и что вообще невозможно за всем уследить.

Для объяснения происшествия следует, однако, заметить, что это замечательное учреждение, именуемое Английским банком, по видимому, очень полагается на честность публики: здесь нет никакой охраны, никаких решёток. Золото, серебро, банковые билеты открыто разложены на виду у всех. Никому и в голову не приходит сомневаться в честности первого встречного. Один из лучших наблюдателей английских нравов рассказывал, что однажды в банке он заинтересовался слитком золота весом семь-восемь фунтов, лежавшим на конторке кассира. Он взял этот слиток, рассмотрел его, передал соседу, тот передал его другому, и таким образом слиток, переходя из рук в руки, очутился в конце тёмного коридора и вернулся на своё место только через полчаса. За всё это время кассир даже не поднял головы.

Но 29 сентября дело произошло совсем не так. Пачка банковых билетов не вернулась на своё место, и когда великолепные часы, висевшие над дверью приёмного зала, пробили пять часов, то есть время окончания работы, Английскому банку оставалось только внести эти пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов в графу убытков.

Когда факт кражи был установлен, в крупные портовые города — Ливерпуль, Глазго, Гавр, Суэц, Бриндизи, Нью-Йорк и так далее — были разосланы наиболее ловкие полицейские агенты, которым в случае успеха обещали премию в две тысячи фунтов и сверх того



пять процентов от найденной суммы. В ожидании сведений, которые должно было дать тотчас же начатое расследование, агентам вменено было в обязанность тщательно наблюдать за всеми приезжающими и отъезжающими путешественниками.

Действительно, как и утверждала «Морнинг хроникл», лицо, совершившее кражу, не принадлежало ни к одной из воровских шаяк Англии. 29 сентября многие видели, как хорошо одетый джентльмен почтенного вида и с прекрасными манерами прогуливался в зале платежей, где была совершена кража. Следствию удалось довольно точно установить приметы этого господина, и эти приметы были тотчас же разосланы всем сыщикам Соединённого Королевства и континента. Некоторые пронизательные умы, в том числе и Готье Ральф, поэтому полагали, что есть надежда на поимку вора.

Само собой разумеется, это событие было в центре внимания как в Лондоне, так и во всей Англии. Его обсуждали со всех сторон и вели страстные споры о возможности успеха агентов столичной полиции. Неудивительно, что члены Реформ-клуба также интересовались этим вопросом. Тем более что в числе собеседников находился вице-директор банка.

Достопочтенный Готье Ральф не хотел сомневаться в успешности поисков, полагая, что обещанная награда должна в высшей степени подстегнуть усердие и сообразительность агентов. Но его партнёр Эндрю Стюарт отнюдь не разделял его уверенности. Итак, разговор продолжался и после того, как эти господа уселись за карточный стол, Стюарт — напротив Фленагена и Фаллентин — против Филеаса Фогга. Во время игры они не разговаривали, но в промежутках между робберами прерванный разговор продолжался.

— Я утверждаю, — сказал Эндрю Стюарт, — что все шансы на стороне вора, который, несомненно, очень ловкий человек.

